Гарри сильно ударился о землю, подпрыгивая на ней, почти потеряв контроль над ручкой чашки.

Кубок портключ?

Это избавило его от необходимости проходить весь лабиринт обратно. Флер помогут еще быстрее. Он улыбнулся, бросил чашку и поднялся на ноги, чтобы найти мадам Помфри.

Тонкий серый туман клубился вокруг его ног, мало чем отличаясь от заклинания патронуса, которое он не смог сотворить, он висел вокруг и над рядами того, что явно было надгробиями.

Это не Хогвартс.

Его желудок резко сжался, и он тут же попытался аппарировать, но ничего не вышло.

Каждый год.

Он очень медленно обернулся, понимая, что туман клубится вокруг него сзади.

Яркая, веселая ведьма с вьющимися каштановыми волосами улыбнулась ему. Позади нее дымился очень большой котел.

«Привет, Гарри, — болтала она, — очень мило, что ты присоединился к нам».

'Я тебя знаю?' — вежливо спросил Гарри, повернув предплечье, чтобы спрятать палочку, когда он сунет ее в ладонь.

Этого не было.

«О нет, Гарри, ты меня не знаешь, — хихикнула она, — никто меня на самом деле не знает. Я просто болтливая, веселая ведьма, которая слушает. Меня зовут Берта Джоркинс.

«Ты работал на Крауча», — вспомнил Гарри, его глаза искали каждую узкую точку в тумане поблизости в поисках палочки.

— Прости, Гарри, — улыбнулась она, размахивая тонким кусочком черного дерева в воздухе. Толстые черные веревки свисали с его палочки, мучительно туго обвивая его и прижимая к ближайшему надгробию.

— На кратчайший момент я понадеялся, что ошибся, — сухо заметил он.

— Ты не был, — засмеялась она. «Видите ли, когда я уходил из Хогвартса, я был недостаточно хорош, чтобы попасть туда, куда хотел, и даже не так сильно этого хотел. Никто не заметил меня на войне, хотя я помогал Барти Краучу, присматривая за несколькими подозрительными членами министерства, и был ответственен за поимку не одного Пожирателя Смерти, но ни один человек так и не поблагодарил меня за это. Я узнал тогда, что знание тайн и использование их на благо других людей ничего не дает, даже благодарности. Я продолжал заводить друзей, даже когда все успокаивалось, я всегда хорошо ладил с людьми, тот, кто слушает, может быть бесценным, и я многому научился. Однажды я наткнулся на кое-что очень интересное. Мой идеальный, принципиальный начальник отдела Барти Крауч увел своего сына из Азкабана. Я хотел шантажировать его,

— Это была плохая идея, — вмешался Гарри.

— Для тебя — да, — хихикнула она. «Барти Крауч-младший был не тем, чего я ожидал. Он не был похож на своего отца, как я ожидал, вместо этого я нашел молодого волшебника, доведенного до безумия Азкабаном и проклятием Империус его собственного родителя. В те несколько мгновений, когда он обретал ясность сознания, он рассказывал мне о своем хозяине, о том, кто признал его ценность, когда его отец и мир считали его никчемным.

— Вы ему поверили?

«Сначала не с того, — призналась она, — что Темный Лорд должен был быть мертв, но потом его слуга пришел и нашел нас».

— Он был еще жив, — с притворным ужасом выдохнул Гарри, очень тонко пытаясь освободиться от пут. Они казались свободнее, чем должны быть, и чем больше он хотел убежать, тем легче ему казалось двигаться.

— Он был, — хихикнула Берта. — Он показал мне, что я не так уж бесполезен в магии, как мне казалось. Он научил меня, что я просто неправильно думаю о вещах. Я всегда мог выслушать людей, заставить их доверять мне, говорить со мной, делать то, что я хочу. Никогда бы не подумал, что у меня будет такой талант к Заклятию Империус, который уважает даже Темный Лорд.

— Он научил тебя заклинанию, поэтому ты сражаешься за него? Гарри на мгновение перестал бороться в шоке. Это была такая маленькая вещь. Он научил Невилла нескольким заклинаниям.

«Он уважал меня за одну вещь, в которой я хорошо разбираюсь, и именно поэтому я следую за ним, потому что никто другой никогда не делал этого для меня!»

— Он лжет тебе, — печально сказал ей Гарри. У него не было надежды переубедить ее, она была слишком потеряна, как Квиррелл, ослепленная ложью и обещаниями Волдеморта.

— Тебе меня не переубедить, Гарри, — весело ответила она. «Я зашла слишком далеко, чтобы повернуть назад, даже если бы захотела, а я не хочу».

'Что вы наделали?' Гарри спросил: «Я предполагаю, что исчезновение Крауча было тобой?»

«Да, — ухмыльнулась Берта, — он был слишком подозрительным, когда я исчезла, а Барти умер свободным от проклятия, он начал связывать вещи, которые другие люди не могли понять. Я ждал как можно дольше, чтобы это выглядело как несвязанное событие, но он должен был умереть в тот момент, когда Петтигрю пропал без вести. В конце концов я ошибочно предположил, что он схватил Петтигрю, или, если бы это сделал кто-то другой, Крауч мог бы узнать достаточно, чтобы остановить нас. Потребовалось так много планирования, чтобы привести тебя сюда, Гарри, — рассмеялась она. «Мы часами разрабатывали план, чтобы ваше имя попало в кубок. Столько сложных заклинаний, и все неэффективные. Людо и я ужасно боролись. Конечно, вряд ли помогло то, что мне пришлось все время держать его под Империусом.

Бэгмен, понял Гарри.

Он оставил Флер там, где Людо Бэгмен мог легко добраться до нее, потом вспомнил Иссушающее проклятие и вздохнул с облегчением. Если Бэгмен или кто-нибудь еще попытается причинить ему боль в течение следующих нескольких часов, они умрут самым неприятным образом. Эта мысль его несколько приободрила.

— Так как ты это сделал? Первая из веревок упала на пол за надгробием.

«Мы никогда не вставляли его», — засмеялась она. «Бэгмен был на удивление полезным инструментом, он запутал кубок до того, как тот прибыл, зная, что Амос Диггори никогда не позволит своему сыну упустить шанс войти. Он выбрал Диггори, полагая, что он единственный абитуриент под именем четвертой школы, но для всех, кто смотрел, он казался правдоподобным чемпионом Хогвартса, которого никто никогда не подозревал и не проверял. Когда стало известно имя настоящего чемпиона, мы использовали простое заклинание переключения, чтобы заменить пергамент на пергамент с вашим именем. Никто не ожидал четвертого имени, поэтому никто не смотрел на кубок, и заклинание прошло незамеченным, как мы и надеялись. Дамблдор взял кубок и часами проверял его на наличие нарушений, но, насколько кубку было известно, твое избрание чемпионом Хогвартса было подлинным.

Несколько мгновений Гарри восхищался простотой сюжета, прежде чем освободиться от второй веревки. Ему очень нужна была палочка, а Берта не обращала особого внимания на монолог.

Это действительно довольно клише с ее стороны.

«А теперь мы подошли к тому, что мы на самом деле делаем здесь, ожидая вас».

'Мы?' — спросил Гарри. Он мог видеть только Берту Джоркинс и очень надеялся, что ее компания — всего лишь взвинченный Людо Бэгмен.

— Мы, — ответил новый голос. Это был не Людо Бэгмен. Гарри слишком хорошо узнал шипящий шепот тени Волдеморта.

— Привет, Волдеморт, — поприветствовал Гарри так же вежливо, как и Берту. Лучше не злить его, когда Гарри не может его видеть и понятия не имеет, где он находится.

— Ты научился кое-каким манерам, — прошептал призрак. — Хватит болтать, Берта, пора.

— Да, хозяин, — весело улыбнулась она.

Кудрявая ведьма взмахнула палочкой Гарри над котлом, и вокруг него вспыхнуло яркое пламя, но только на мгновение.

Огонь погас, и Берта озадаченно уставилась на палочку Гарри. Гарри тоже был немного сбит с толку, палочка никогда его не подводила, если уж на то пошло, она слишком стремилась обрушить магию на все, что он намеревался.

— Используй свои собственные, — прошипел Волдеморт. — Это больше не будет иметь значения.

Она кивнула, спрятав палочку Гарри в карман и вытащив свою. Это был короткий, толстый кусок чего-то похожего на орешник.

Огонь в котле немедленно зажегся, и на этот раз он продолжал гореть. В считанные мгновения поверхность искрилась, выпуская россыпь светящихся оранжевых булавочных уколов каждые несколько секунд. Они порхали над ближайшими надгробиями, словно светлячки, следуя за туманом, улетевшим от жара костра.

Берта Джоркинс наклонилась к полу с одной стороны котла, потеряв из виду Гарри, который воспользовался возможностью, чтобы извиваться на свободных руках за спиной.

Она держала что-то ужасное, когда встала.

Гарри только мельком увидел несколько участков обнаженной кожи, прежде чем она осторожно опустила его в воду. Безволосая, покрытая струпьями, прокаженная и слизистая кожа скрылась в котле. Из-за его неестественного вида все волосы встали дыбом вниз по его позвоночнику.

Он надеялся, что оно утонет.

Он знал, что этого не будет.

— Кость отца, — пропела Берта, все еще бодрая, — отданная по незнанию, ты обновишь своего сына. Земля у ног Гарри треснула, и поток белой пыли и одинокая кость вылетели изнутри в котел.

Он сильно вспыхнул, от него взорвались оранжевые точки, затем он стал ядовито-синим, слишком ярким, чтобы смотреть на него.

— Плоть слуги, — теперь ее голос дрожал, — добровольно принесенная в жертву, ты оживишь своего господина. Из-под мантии она достала блестящий серебряный нож и, положив левую руку на край котла, опустила его на запястье.

Она закричала и побледнела, ее рука была наполовину отрублена и висела над зельем. Гарри начал лихорадочно рвать веревки, чтобы освободиться, это был его шанс, пока она отвлекалась. Половина пут, казалось, исчезла, но остальные все еще мешали, и он не мог освободиться до тех пор, пока ведьма не успела собраться с духом и снова опустить оружие.

Берта Джоркинс издала сдавленный всхлип боли, который был почти потерян в всплеске ее расчлененной руки, когда она ударилась о поверхность зелья. Оно рябило яростно-красным.

Затем она повернулась к Гарри, который действительно надеялся вопреки всему, что он просто будет свидетелем.

— Кровь врага, — ее голос был тонким и дрожащим, — насильно взята, — она вздрогнула и вынуждена была замолчать. Кожа Берты Джоркинс была бледной, и, несмотря на чары, которыми обладал нож, чтобы прижечь рану, культя все еще неприятно сочилась.

— Выглядит болезненно, — заметил Гарри, высвободив ноги, когда она закрыла глаза, пытаясь заглушить агонию.

— Ты воскресишь своего врага, — закончила она, шагнув рядом с Гарри прежде, чем он успел освободиться, и нанеся неглубокий порез на щеке.

Берта Джоркинс отскочила от него и плеснула кровью в котел. Гарри заметил, что конец его палочки торчит из кармана перед ним.

Он разорвал остальные веревки.

Зелье вспыхнуло ослепляющим, мерцающим белым светом, пар струился на пол толстым ползучим покрывалом, которое быстро поднималось, скрывая все, кроме силуэта.

Что-то высокое шагнуло к нему в паре, что-то слишком высокое и со слишком короткими вьющимися волосами, чтобы быть Бертой Джоркинс.

Гарри бросился туда, где минуту назад была Берта Джоркинс, но только заскользил по грязи.

Он повернулся и обнаружил, что смотрит прямо на Тома Риддла, но волшебник был не таким, каким он его помнил из комнаты. Кожа у него была бледная, полупрозрачная, с прожилками, без волос, с деформированными чертами лица и узкими змеевидными зрачками. У Гарри сложилось отчетливое впечатление, что этот ритуал был последним, который он провел, и что Салазар был совершенно прав в своем предположении, что Риддл использовал многие другие. Он казался лишь немногим более человечным, чем был призраком три года назад.

— Куда ты идешь, Гарри? — удивленно спросил Волдеморт.

— Вернуться в Хогвартс? Гарри попытался, криво улыбаясь и поднимаясь на ноги. Риддл едва не убил его дважды, и это было тогда, когда у него не было тела.

Теперь я сильнее, напомнил он себе.

— Я так не думаю, — прошептал Темный Лорд. — Я могу понять, почему ты хочешь вернуться туда. С самого начала это похоже на дом, новый мир, место, которому ты принадлежишь, а потом этот мир оказывается не лучше, чем то, что ты думал, что оставил позади. Вы скоро это увидите, если еще не видели. Губы Волдеморта изогнулись в холодной ухмылке. «Я не просто хотел, чтобы ты был здесь для ритуала, Гарри, были более простые способы получить твою кровь, даже если ее нужно было взять против твоей воли и при этом оставаться свежей. Нет, вы здесь, чтобы засвидетельствовать мое возвращение.

— Берта, — гладко скомандовал он.

— Милорд, — пробормотала она, появляясь из исчезающего облака пара вокруг котла, все еще сжимая руку.

— Твоя рука, Берта.

Кудрявая ведьма протянула невредимую конечность своему господину. — Простите, милорд, — извинилась она, когда Риддлу пришлось самому закатать ей рукав. Гарри бросил на нее недоверчивый взгляд. Никто в здравом уме никогда не поверит, что Берта Джоркинс виновата в этом. Даже Риддл выглядел слегка удивленным.

Черная татуировка в виде змеи, обвивающей череп, болезненно пульсировала на ее предплечье, выпячиваясь на полсантиметра над кожей и извиваясь под ее поверхностью.

Волдеморт внимательно изучил его, затем твердо вдавил в него свой длинный бледный

указательный палец. Пальцы Берты сжались в кулак, и она снова крепко зажмурилась.

Внезапно они оказались не одни на кладбище.

Как они аппарировали?

Еще раз Гарри попытался аппарировать наружу, представляя комнату, где он будет в безопасности, в своем сознании и желая, чтобы мир выманил его прочь.

Ничего не произошло.

— А, — вздохнул Волдеморт, — возвращается моя семья, мои друзья, мои очень верные последователи.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/50582/2106127